

Казань в роли федерального ориентира

Эксперт – социолог Алексей Фирсов.

Социология территорий. Совместный проект Незыгаря и ЦСП «Платформа».

Казань – первый претендент на то, чтобы сбить с Москвы спесь абсолютного лидерства в области пространственного развития. Амбиция, плюс ресурсы, плюс ручной режим управления вывели город на уровень национального бенчмарка. Интересно, что другим региональным центрам работать с опытом Казани даже комфортней: Москва представляется слишком далекой для подражания, будто уже перешедшей в другое измерение.

При погружении в городскую среду заметна многоуровневость трансформации. Крупные проекты городского масштаба дополняются микроуровнем, например, перестройкой дворовых пространств. Нет намерения создать лишь витрину из ряда крупных объектов. Но чем отличается московский двор от внедряемой сейчас казанской модели? Первый – замкнутая среда, автономная единица, часто отгороженная от других дворовых пространств. В Казани – создание сквозных комплексов дворовых пространств со своим зонированием: отдельный двор получает свою специализацию. В итоге образуется многофункциональный ансамбль, связывающий территорию. Проявляется социальный эффект – возрождение дворовых сообществ, практически утраченных в Москве.

Если вынести за скобки специфическое местное явление –

«поселок нефтяников», ставший на самом деле огороженным пространством в центре города для республиканской элиты, то городское пространство отличается связностью, плавностью переходов, органическим единством. Характерная идея – вернуть горожанам казанский Кремль, «присвоенный» ранее туристами или бюрократией, сделать его естественным общественным пространством для обычных горожан. Подобные процессы идут и на периферии города. Например, выделяется совершенно не типичный опыт, когда парковая зона становится общей для местной больницы и жилых кварталов (обычная практика – отгораживать больничные пространства строгим кордоном).

Цельность Казани оппонирует разорванности и фрагментированности Москвы. Здесь нет ужаса застройки в спальных районах, типа московского района «Хорошево-Мневники», нет резкой смены городских ландшафтов. Интересно сравнить два образа центра. Казанский не подвергался мощной зачистке, которая началась с «ночи длинных ковшей в Москве»: он здесь чистый, ухоженный, но живой и более естественный. Треснувший асфальт, старая штукатурка, старый камень не сводят с ума местных градоначальников. Наоборот, они – свидетельства жизни, городской истории.

В значительной степени успех казанского проекта связан с единством концепта проектирования. Несколько лет назад в республике был создан Институт развития городов, руководитель которого замкнут напрямую на Минниханова. Эта модель позволила новым идеям не погаснуть в лабиринтах бюрократических согласований. Пространственные проекты, по сути, были переведены в режим ручного управления. И конечно, сказалась специфичность татарской модели: значительная часть крупной собственности находится на балансе республики. Когда глава Татарстана – одновременно председатель директоров «Татнефти», несложно убедить компанию стать спонсором реконструкции территорий. У других регионов такой возможности со времен

большой приватизации нет: с бизнесом приходится договариваться. Поэтому процесс адаптации для новых здесь компаний (например, пришедшего недавно в регион СИБУРа) оказывается непростым.

Но если татарский опыт управления воспроизвести уже невозможно, то созданные на его основе практики вполне поддаются масштабированию.